

СУДЬБА ЛИДЕРА

(Продолжение. Начало на с. 4)

тому что понял, что это та же школа, но только на более высоком витке диалектической спирали, а я учиться никогда не любил, и пошел работать в «Московский комсомолец», и мне понравилось. Но так все и получилось. Конечно, ничего случайно не бывает, но это не планировано было. Я знаю людей, которые планировали жизнь даже в те годы студенческие. Один мой, к сожалению, покойный уже приятель пошел по партийной линии. Он вступил в партию, он был секретарем комсомольской организации факультета. Другие профессионально строили карьеру свою, упираясь в журналистику, причем именно в международную. А у меня не было этого. У меня и сегодня этого нет. Мы с женой очень разные. Когда мы летим в отпуск, я совершенно спокоен, потому что знаю: пробронированы все отели, рассчитаны все маршруты, вся культурная программа составлена. Мне надо только баранку крутить. То есть я в полном восторге, потому что сидеть планировать – это не мое. Хотя, видите, приходится этим заниматься.

– Поразительное признание для менеджера.

– Но это другое, это работа. А это жизнь моя человеческая. Здесь ведь одно дело, от этого здесь зависит машина вся, и люди за спиной, и имидж, имя, созданное сегодня, тоже дорогого стоит. Здесь очень опасно просчитаться, приходится скрупулезно просчитывать. Но планирование в сфере культуры и искусства она вещь такая... Тут до конца просчитать все невозможно. И когда мы начинали прошлый проект, никто не предполагал, что он год проживет при сто процентной посещаемости.

– То есть получается потрясающая штука – при той колоссальной ответственности, которая лежит на вас, вы ощущаете кайф свободы решений?

– Ну конечно! Меня недавно мой младший сын спросил: «А кто у тебя начальник?» Я говорю: «Знаешь, наверное, Путин». Ну может быть, еще и Юрий Михайлович Лужков чего-нибудь попросит, и я ему не откажу, потому что есть лояльность отношений и прочее – мэр города, это его цирк. А так у меня начальников и нету. Мы можем сделать проект: пригласить этого человека, пригласить другого. Мы с очень многими работаем. И даже с композиторами. Я называл Преснякова. С Максимом Дунаевским работали замечательно в одном проекте. Я думал: «Наконец-то мы вернули Дунаевского в цирк после стольких лет». С Андрисом Лиепой у нас был интересный проект. Я могу делать все, что угодно. И не нужно ни с кем согласовывать. Понимаете, самое страшное в государственной структуре то, что и человек чувствует

ответственность не перед самим собой, а перед кем-то вышестоящим, все нужно согласовывать.

– Убивает здоровый авантюризм?

– Да. Не то, чтобы здоровый или нездоровый авантюризм, а инициативу. Зачем делать, если вдруг сделаю не так. И вот эта боязнь не так выглядеть перед начальством всю жизнь, по сути трусость, она человека совершенно меняет.

– А вас выбрали раз и навсегда?

– Нет.

– А процедура переизбрания...

– У нас в уставе нет такого. Но в принципе теоретически мои учредители могут собраться и сказать: «Дружок, ты либо ситуацию поправь, либо мы кого другого поставим». Но за все годы при том, что творилось в России, при всех неплатежах, дефолтах и прочем, не было случая, чтобы не то что не выплатили, – задержали зарплату. И люди, которые тут работают, это ценят, потому что ничего важнее стабильности сегодня нет, тем более в этом плане. Да, они прекрасно понимают, что миллионов тут не зарабатывают. Но деньги есть, и пока мы тут работаем, все нормально (тьфу-тьфу-тьфу!) – так и будет всегда. Они получают зарплату, мы ее индексируем, платим премии. Материальную сторону никто не отменял. Да, люди могут работать на патриотизме, на голом энтузиазме, но очень непродолжительное время. Кормить обещаниями в течение длительного времени нельзя. Вся страна разуверилась. Обещают-обещают, обещают-обещают... Страна будистов. Все говорят: «Будет-будет-будет». Вот опять странно, перевернутый мир. Казалось бы, есть функционирующая компания, в которой все хорошо. Работают люди, получают зарплату, все стабильно. Чем больше будет таких компаний, тем лучше будет всем. Если каждому будет хорошо, значит, всей стране будет хорошо. Но весь вопрос не в том, чтобы помогали, – в том, чтобы не мешали. И такое ощущение, что есть все время такой человек, который думает: «А чего-то они слишком хорошо себя чувствуют? Надо бы маленько их придушить». Один наш цирк – маленькая компания, – мы заплатили в прошлом году около миллиона долларов налогов. Ну а сто таких компаний? Какой у нас бюджет на образование или здравоохранение? Или на пенсии? Я не знаю. Я не знаком с Ходорковским, но мне искренне его жалко. И даже не столько его жалко, потому что ну выпустят его, уедет он куда-нибудь... Мне жалко структуру, которую он создавал. А я знаю людей, которые близко и хорошо его знают, и в общем знаю историю создания этой компании гигантской, этой империи. И

я знаю, что это его руками и мозгами создано все. И сейчас это разрушается людьми, которые в своей жизни ничего не создали сами. Не то что так дом построить или дерево посадить. Вообще ничего не сделали. И сейчас с упорством маньяков они это все растаскивают по кускам только для того, чтобы этого не было. Вот за это все обидно, не за конкретного человека.

– А вы эту опасность для себя чувствуете?

– Ну опять же цирк – вещь такая... Здесь как бы сторонних людей-то нет. И даже люди, которые бы что-то хотели отобрать, они прекрасно понимают, что ничего тут нет

сделают. Ну кто с ними будет работать? Они ничего не знают, ничего не умеют. Это очень специфическая вещь. Нет опять же ни связей, ни контактов. Цирк – это четыре стены, купол, кулисы, зрительный зал и больше ничего. А основное – это люди. И потом столько предприятий обанкротили, чтобы только отобрать собственность. Это же не наше здание. Это московское здание. Мы его арендуем. А на московскую собственность се-